

ДИТЕР ФРИКЕ

(ГДР)

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ
В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Последнее десятилетие XIX в. характеризовалось в Германии быстрым переходом от свободной конкуренции к господству монополий. В эти годы произошли серьезные перемены и в политической жизни страны. В 1890 г. закончилась многолетняя эра правления Отто фон Бисмарка. Падение престарелого рейхсканцлера означало также и конец принятого по его инициативе чрезвычайного закона против социалистов. Применяя на основании этого закона грубое насилие против рабочего движения и его руководителей, господствующие классы достигли результатов, прямо противоположных той цели, которую они ставили перед собой.

«Правительство и господствующие классы, — писал в 1895 г. Ф. Энгельс, — исчерпали все свои средства — бесполезно, бесцельно, безрезультатно. Властям, от ночного сторожа до рейхсканцлера, пришлось получить — и притом от презренных рабочих! — осязательные доказательства своего бессилия, и доказательства эти насчитывались миллионами. Государство зашло в тупик, рабочие же только начинали свой путь»¹.

Поэтому в начале 90-х годов правящие круги изыскивали новые методы борьбы против растущего рабочего движения. Прежде всего были предприняты попытки обмануть пролетариат псевдолиберальными мероприятиями. Провозглашенный рейхсканцлером Каприви «новый курс» имел целью путем частичных уступок привлечь массы к поддержке экспансионистской политики германского империализма². Сразу же после падения Бисмарка газета «Der Sozialdemokrat» предостерегала «от роковых иллюзий» по отношению к так называемой «новой эре», справедливо указывая, что изменятся только методы³.

Ф. Энгельс несколько позднее писал Ф. Зорге, что «рабочелюбивые настроения [правящих кругов.— Д. Ф.]... на наших людей... не производят ровно никакого впечатления. Это результат закона против социалистов. Еще в 1878 г. этим можно было бы чего-нибудь добиться, можно было бы внести кое-какой беспорядок в наши ряды, но сейчас это невозможно. Нашим пришлось слишком сильно испытать на себе

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. М., 1955, стр. 100.

² Из современных западногерманских буржуазных историков ближе всего к научной оценке «нового курса» подошел Г. Хальгартен. Но и в его работе совершенно недостаточно освещена борьба рабочего класса и вообще народных масс, без чего нельзя правильно оценить события.— См. G. Hallgarten. Imperialismus vor 1914. Bd. I. München, 1951, S. 271 и сл.

В своей недавно вышедшей в Западной Германии работе Карл Эрих Борн не разделяет, правда, мнение правых буржуазных историков, болтающих о «дружественной» по отношению к рабочим политике кайзера в тот период и преувеличивающих значение псевдолиберальных мероприятий. Однако взгляды Борна на «новый курс» тоже далеки от науки. Так, он считает, что тогдашние мероприятия в области социальной политики являлись прежде всего средством подорвать авторитет Бисмарка и создать популярность кайзеровскому режиму, который должен был сменить режим канцлера.— К. Е. Борн. Staat und Sozialpolitik seit Bismarcks Sturz. Ein Beitrag zur Geschichte der innenpolitischen Entwicklung des Deutschen Reiches 1890—1914. Wiesbaden, 1957, S. 90.

³ «Der Sozialdemokrat», 29.III.1890.

тяжесть прусского кулака. Некоторые неустойчивые элементы... и затем кое-кто из семисот тысяч человек, пришедших к нам за последние три года, быть может, в этом отношении слегка и поколеблются; но их голоса потонут в хоре других голосов, и не пройдет и года, как Вильгельм окончательно разочаруется в своей власти над рабочими: любовь превратится в ярость, ласка — в преследование»⁴. И действительно, в рядах социалистического рабочего движения псевдолиберальные посулы господствующих классов не нашли сочувствия⁵.

Германский рабочий класс своей героической борьбой против исключительного закона внушил господствующим классам такой страх, что начальник отдела печати министерства иностранных дел Отто Хамман в своих воспоминаниях вынужден был признать: «Сознание рабочими массами своей силы никогда, быть может, не было столь велико, как в середине 90-х годов прошлого столетия. Каждая неудача правительства, каждый успех [рабочих.— Д. Ф.] в борьбе против предпринимателей подливали масла в огонь»⁶. По мнению Хаммана, новые попытки насильственного подавления рабочего движения были опасны «для мира внутри государства», ибо «противоречия были уже столь сильны, что дальнейшее их обострение могло привести к взрыву»⁷.

В этих условиях господствующие классы, раздираемые к тому же серьезными внутренними разногласиями, вынуждены были применять в борьбе против рабочего движения одновременно и метод насилия и метод мнимых уступок. Бюлов, ставший впоследствии рейхсканцлером, в 1890 г. говорил: «Лошади могут брыкаться и кушаться, как хотят, но в конце концов их все равно запрягают и дают им кучера, который направляет их с помощью кнута и вожжей. Следует, однако, позаботиться о том, чтобы экипаж и пассажиры серьезно не пострадали. Речь идет о том, чтобы при проведении репрессий не был нанесен слишком большой ущерб внутренней и внешней политике государства, а лучше всего постараться справиться с движением без таких репрессий. Для нас нет другого пути, кроме того, на который мы встали, а именно, с одной стороны, широко задуманные законодательные реформы, с другой — подавление насильственных действий. Одно не исключает другого. Если бы даже пришлось «стрелять», от социальных реформ ни в коем случае не следует отказываться»⁸.

Это означало проведение такой внутренней политики, которую Ф. Энгельс называл полицейской, мелочной, доходящей до жалких придинок и недостойной великой нации⁹.

* * *

4 июля 1890 г. канцлер Каприви изложил прусскому кабинету свои планы борьбы против социалистического рабочего движения после отмены закона против социалистов. «Пока,— указывал он,— следует обратить внимание на то, чтобы до конца использовать все те средства борьбы с социал-демократией, которые предоставляет нам общее право». Каприви считал, что для начала будет достаточно дальнейшего усиления классовой юстиции и полицейского террора. Прусский кабинет согласился с этим на заседании 13 июля 1890 г. Было решено, что пока следует воздержаться от «законодательного урегулирования вопроса, о котором шла речь», и посмотреть, «действительно ли будут достаточны существующие законы, если энергично применять их против выступлений социал-демократии»¹⁰.

Рейхсканцлер распорядился, чтобы прокуроры более энергично, чем прежде, содействовали борьбе против социал-демократии. Им вменялось в обязанность при привлечении к суду по делам, связанным с «разрушительными» намерениями, исхо-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 199.

⁵ См., например, G. v. Vollmar. Über die nächsten Aufgaben der deutschen Sozialdemokratie. München, 1891.

⁶ O. Hamann. Der neue Kurs. Erinnerungen. Berlin, 1918, S. 139.

⁷ Ibid., S. 140.

⁸ B. v. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. 4. Berlin, 1931, S. 633.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 245.

¹⁰ Deutsches Zentralarchiv (далее — DZA). Potsdam. Reichskanzlei 646/10, fol. 284 («разрядка моя.— Д. Ф.»); см. также fol. 261, 279, 285 и сл.

нить не из того, есть ли достаточные основания для обвинительного приговора, а возбуждать обвинение даже в том случае, если имеется хотя бы вероятность успешного исхода дела¹¹. 6 сентября 1890 г. прусский министр юстиции фон Шеллинг специальным циркуляром потребовал от работников прокуратуры более энергичных действий против всех «возможных выступлений социал-демократии»¹².

Органы буржуазной юстиции именно так и действовали. В течение десятилетия, прошедшего после отмены закона против социалистов, социал-демократы были приговорены за свою политическую деятельность в общей сложности к 750 годам тюрьмы, более чем к 85 годам каторги и 277 тыс. марок денежного штрафа¹³.

В эти годы борьба против социал-демократов велась главным образом в двух направлениях. Прежде всего власти боролись против социал-демократических партийных организаций. Стремление властей всеми средствами «ограничить деятельность социал-демократии по созданию союзов»¹⁴ достигло высшей точки 29 ноября 1895 г., когда были закрыты 11 берлинских социал-демократических организаций¹⁵.

Во-вторых, суровые приговоры выносились за так называемые «стачечные преступления». Против стачечников выдвигались вымышленные обвинения в принуждении, применении угроз, оскорблении чести, дискредитации, бесчинствах и в других уголовно наказуемых действиях¹⁶.

Из большого числа очевидных юридических преступлений по отношению к участникам социалистического рабочего движения особенно типичным является эссенский процесс 1895 г. о нарушении присяги. В целях ослабления социал-демократического влияния среди горнорабочих Рура были привлечены к суду по обвинению в сознательном нарушении присяги семь руководителей социал-демократического союза горняков, выступивших в одном из процессов в качестве свидетелей защиты и убедительно доказавших лживость показаний полицейских чиновников. 17 августа 1895 г. эссенский суд присяжных приговорил их к заключению в каторжной тюрьме. В 1911 г. тот же суд был вынужден при повторном рассмотрении дела признать невиновность рабочих и отменить приговор 1895 г.¹⁷.

Наряду с использованием классовой юстиции высшие власти считали действенным средством в борьбе против социалистического рабочего движения также и усиление полицейских преследований. По решению прусского правительства от 13 июля 1890 г. полицейские органы были значительно усилены. Несколько позднее газета «Der Sozialdemokrat» сообщила своим читателям о секретном распоряжении министра внутренних дел фон Герфурта от 18 июля 1890 г., в котором содержались конкретные указания о «борьбе с социал-демократией после отмены закона против социалистов». Министр прежде всего подчеркивал необходимость «обратить особое внимание на опасную для общества деятельность социал-демократов, принимая во внимание изменившееся правовое положение, а также решительно пресекать всякие

¹¹ DZA, fol. 284 и сл.

¹² В циркуляре, в частности, говорилось: «Я считаю своим долгом указать, что чиновники прокуратуры обязаны тщательно следить за возможными выступлениями социал-демократии и постоянно привлекать к уголовной ответственности за каждое такое выступление, возбуждая общественное обвинение... Как правило, для предъявления обвинения достаточно вероятности успешного исхода дела и вовсе не нужна полная гарантия успеха... Против оправдательных приговоров судов, за исключением бесспорных случаев, необходимо всегда возбуждать соответствующий протест. В целях обеспечения наибольшей действенности наказаний следует также максимально ускорять ведение указанных выше уголовных дел. Такие дела нужно рассматривать возможно быстрее». — R. Lipinski. Die Sozialdemokratie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart, Bd. 2. Berlin, 1928, S. 136 и сл.

¹³ «Sozialdemokratische Partei-Correspondenz», 1912, S. 232.

¹⁴ См. Ch. zu Hohenlohe-Schillingsfürst. Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Berlin, 1931, S. 98 и сл.

¹⁵ Это были избирательные объединения (Wahlvereine) шести берлинских округов по выборам в рейхстаг, а также комиссии по вопросам печати, по агитации, по работе на местах, союз «доверенных лиц» берлинской социал-демократии и правление социал-демократической партии.

¹⁶ См. письмо Вильгельма II от 20 августа 1897 г. графу Филиппу цу Эйленбург-Хертефельд в кн.: В. v. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. 1. Berlin, 1930, S. 139.

¹⁷ D. Fricke. Der Essener Meineidsprozess von 1895 — ein Beispiel preussischer Klassenjustiz. — «Geschichte in der Schule», 1957, H. 4, S. 183—194.

их выступления, используя для этого все имеющиеся в распоряжении средства в рамках закона»¹⁸.

Важнейшую роль в осуществлении этих мероприятий должна была сыграть берлинская полиция. В период действия исключительного закона против социалистов берлинская политическая полиция, непосредственно руководимая полицей-президентом Берлина, являлась одним из важнейших инструментов реакции. Полностью реорганизованная осенью 1878 г. берлинская политическая полиция скоро стала центром, побуждавшим полицейские власти во всей Германии к усилению преследований рабочих. В одной социал-демократической брошюре того времени говорилось: «Берлин — центр всей политической тайной полиции. Господин фон Мадаи (полицей-президент Берлина в 1872—1885 гг.— Д. Ф.) является если не номинально, то фактически имперским министром полиции»¹⁹.

Берлинская политическая полиция имела своих постоянных агентов не только в различных городах Германии, формально не подчиненных берлинскому полицей-президенту, как, например, Лейпциг, Гамбург и др., но и в крупнейших центрах международного рабочего движения — в Цюрихе, Париже, Брюсселе, Лондоне и Нью-Йорке. Эти агенты получали ежемесячное содержание в среднем от 300 до 400 марок и должны были регулярно представлять письменные донесения о своей деятельности. С 1879 по 1890 г. берлинская политическая полиция получила свыше 18 тыс. таких донесений²⁰. Ее расходы на свою агентуру составили за это время около 750 тыс. марок.

В борьбе против немецкого рабочего движения берлинская политическая полиция использовала все средства, какие только могла, — провокацию и клевету, шантаж, похищения и убийства.

Однако в результате героического сопротивления немецкого рабочего класса, руководимого социал-демократией, грязные полицейские махинации сплошь да рядом проваливались. «В Германии, в общем, — писал Ф. Энгельс 7 марта 1884 г. Ф. А. Зорге — дела очень хороши. Наши ребята ведут себя великолепно. Закон против социалистов втягивает их повсюду в местную борьбу с полицией. Борьба эта связана со всякими остроумными и забавными проделками, и мы большей частью выходим из нее победителями. Борьба эта представляет собой лучшее в мире средство пропаганды»²¹.

Так, в последние годы существования закона против социалистов германской социал-демократии удалось, в частности, с помощью так называемой «Железной маски»²² разоблачить почти всю агентурную сеть берлинской политической полиции как внутри страны, так и за границей. Бдительность германской социал-демократии привела к тому, что донесения немногих неразоблаченных, а также и вновь завербованных агентов поступали в Берлин все реже. Количество полученных берлинским полицей-президентом донесений сокращалось из года в год: в 1883 г. их было 2828, в 1886 г. — 1527, в 1887 г. — 1125, в 1888 г. — 648, в 1889 г. — 394, в 1890 г. — 390.

Берлинский полицей-президент фон Рихтхофен в отчете прусскому министру внутренних дел 15 июня 1888 г. вынужден был признать, что уже ранее упоминавшиеся им «трудности и неприятности» в работе агентуры «возросли еще более». «То обстоятельство, — отмечал он, — что германской социал-демократической партии удалось узнать имена известного числа лиц, которые в течение ряда лет использовались нами в качестве осведомителей, и заклеить их позором, не преминуло

¹⁸ См. «Der Sozialdemokrat», 23.VIII.1890; K. Frohne. Politische Polizei und Justiz im monarchischen Deutschland. Hamburg, 1926, S. 73 и сл.

¹⁹ «Deutsche Polizeischufereien. Aktenstücke und Enthüllungen». Hottingen — Zürich, 1882, S. 5.

²⁰ Эти донесения, как и другие секретные полицейские документы, были уничтожены по указанию властей непосредственно перед Ноябрьской революцией.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 364.

²² «Железная маска» — псевдоним, под которым газета «Der Sozialdemokrat» с конца 1887 г. помещала статьи, разоблачающие полицейских агентов. Это не был псевдоним одного определенного лица, а псевдоним редакции в целом. Редакция длительное время имела в берлинском полицей-президентуре своих людей. Наряду с «Железной маской» употреблялись иногда и другие псевдонимы: «Красная береговая стража», «Стража на Шпрее» и др.

«казать свое воздействие». Полицей-президент указывал на «исключительную трудность подбора подходящих лиц, которые могли бы пользоваться определенной степенью доверия со стороны властей»²³.

Такое же фиаско потерпели преследования берлинской политической полицией газеты «Der Sozialdemokrat», так называемой «красной полевой почты», занимавшейся распространением газеты, а также профсоюзных и других организаций. Немецкие рабочие благодаря своей организованности, дисциплинированности, мужеству, самопожертвованию, постоянной боевой готовности сумели дать отпор «могущественной» берлинской политической полиции.

Но хотя берлинская политическая полиция терпела серьезные неудачи и потеряла целый ряд важных позиций, завоеванных ею в период исключительного закона, она все же оставалась и после отмены этого закона незаменимым орудием осуществления правящими кругами их антирабочих, антисоциалистических мероприятий.

13 июля 1891 г. в годовом отчете министру внутренних дел о деятельности политической полиции Рихтхофен подчеркнул, что ее задачи в связи с отменой исключительного закона не уменьшились. Напротив, такие факты, как наступившее после этого «весьма заметное расширение периодических и непериодических социалистических изданий, возвращение в Берлин многих высланных прежде, резкое увеличение числа общественных собраний и создание различных организаций, переезд сюда (в Берлин.— Д. Ф.) руководства партии и, наконец, то обстоятельство, что борьба между умеренными и радикалами, между так называемыми «старыми» и «молодыми», по-видимому, в основном, закончилась,— все это требует гораздо большего, чем прежде, внимания со стороны всех чиновников, занимающихся наблюдением за социал-демократическим движением»²⁴.

С 1 апреля 1892 г. структура руководящих органов берлинской полиции была изменена. До этого существовали три отдела, делившие между собой наблюдение за нелегальными организациями берлинской социал-демократии по территориальному признаку, теперь эти отделы были организованы по «отраслевому» признаку²⁵.

Служба за социал-демократическими депутатами рейхстага, осуществлявшаяся полицейскими чиновниками особенно тщательно и планомерно с 1882 г., была 28 декабря 1891 г. «временно» приостановлена²⁶. Впоследствии она осуществлялась лишь в особых случаях. Так, например, когда газета «Vorwärts» опубликовала в начале 1892 г. приказ генерала герцога Георга Саксонского от 8 июня 1891 г. относительно издевательств над солдатами²⁷, за редактором газеты Вильгельмом Либкнехтом

²³ DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 343A, № 158, vol. 3, fol. 187 и сл.

²⁴ DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 343A, № 158, vol. 4, fol. 15 Rf.

²⁵ По этому поводу Рихтхофен сообщал 22 мая 1892 г. министру внутренних дел: «Под руководством советника полиции Маудероде созданы три отдела. Первый занимается наблюдением и составлением донесений относительно всего социально-революционного движения, производством дознаний общего порядка и организацией охраны высокопоставленных лиц. Один из комиссаров уголовной полиции получил особое задание: наблюдать за партийным руководством (социал-демократии.— Д. Ф.), за фракцией в рейхстаге, за движением «старых», а также за избирательными и другими объединениями и всей социал-демократической прессой. Другой комиссар следит за рабочей общеобразовательной школой, организацией «свободная народная сцена», комиссией по работе на местах и другими организациями «старых». Третий — за «молодыми», за анархистами, в том числе за их прессой и родственными им организациями; четвертый — наблюдает за поляками, русскими, румынами и т. д. Каждый из этих комиссаров имеет в своем распоряжении необходимое число вахмистров и полицейских.

В ведении второго отдела находится наблюдение за всем профсоюзным движением; в ведении третьего — руководство полицейскими органами, следящими за гостиницами и иностранцами, производство дознаний по вопросам печати, а также дела, которые представляют интерес с точки зрения государственной полиции.— DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 343A, № 158, vol. 4, fol. 43 Rf. См. там же отчет о «структуре руководящих органов».— Ibid., fol. 74—78 R.

²⁶ См. Brandenburgisches Landeshauptarchiv. Potsdam. Rep. 30, Tit. 94, Lit. S, № 1418 (13140), fol. 154.

²⁷ См. «Vorwärts», 31.I.1892; «Wahllügen der bürgerlichen Parteien», 2 Aufl., Berlin, 1911, S. 174 и сл.

было установлено постоянное наблюдение, при помощи которого берлинская полиция надеялась напасть на след корреспондента, передавшего этот материал редакции²⁸.

Берлинская полиция продолжала сохранять свою сеть заграничных агентов и даже пыталась восполнить те потери, которые она понесла в последние годы закона против социалистов²⁹. На содержание этой сети полиция регулярно получала теперь от министерства иностранных дел дополнительно 20 тыс. марок в год. В Лондоне в начале 90-х годов постоянно находились три агента, в Швейцарии и Бельгии (не все время) — по одному³⁰.

Однако самым главным в деятельности берлинской политической полиции и после отмены закона против социалистов оставалось наблюдение за социалистическим движением в Берлине. Если, например, в 1892 г. она выплатила своим агентам за границей 12 461 марку, то шести постоянным агентам, действовавшим в Берлине вместе с большим числом осведомителей, было выплачено 25 139 марок. Кроме указанных 20 тыс. марок, получаемых от министерства иностранных дел, полицей-президент Берлина располагал для нужд политической полиции еще 72 тыс. марок в год из фонда «непредвиденных расходов» министерства внутренних дел³¹.

Все сказанное свидетельствует о том, что активность берлинской политической полиции после отмены закона против социалистов была несколько не меньше, чем до 1890 г. Усилившаяся в середине 90-х годов активность анархистского движения в Германии еще более увеличила в глазах господствующих классов значение политической полиции. По согласованию со всеми правительствами германских государств в конце 1898 г. были выработаны единые принципы «надзора за анархистами». В берлинском полицей-президиуме создали специальный отдел, компетенция которого распространялась на всю Германию и который имел право непосредственно входить в контакт со всеми полицейскими органами³².

* * *

Берлинская политическая полиция еще в период правления Бисмарка заняла ведущее положение также и в так называемом «полицейском интернационале». Столкнувшись с фактом усиления революционной деятельности, правящие круги разных стран стали устанавливать связи между своими полицейскими органами. После убийства народовольцами русского царя Александра II царское правительство явилось инициатором сотрудничества великих европейских держав против социалистического и анархистского движения. Правительство России обратилось по этому вопросу к Бисмарку, который со своей стороны связался с австрийским правительством. Предполагалось, что три государства заключат между собой договоры о «взаимной выдаче подозрительных иностранцев». Царское правительство предполагало провести в будущем международную конференцию для обсуждения мероприятий против «социально-революционных движений» и прежде всего для объявления

²⁸ См. Institut für Marxismus — Leninismus beim ZK der SED. № 16/3. Rep. 30, Tit. 94, Lit. L, № 285, vol. 4, fol. 27, 36.

²⁹ См. письмо Рихтгофена Герфурту от 28.III.1891.— DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 343A, № 158, vol. 4, fol. 4 Rf.

³⁰ Ibid., fol. 9, 11. Распространенное тогда среди социал-демократов мнение о том, что деятельность берлинской политической полиции была в первое время после отмены исключительного закона несколько ограничена, так как Каприви уничтожил фонд вельфов, являлось ошибочным.— Ibid., fol. 20 R, 48 R. 69 и сл. Интересные материалы о деятельности агентов за границей после 1890 г. имеются в: Brandenburgisches Landeshauptarchiv. Potsdam. Rep. 30, Tit. 94, Lit. A, № 273.

³¹ См. DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 343A, № 158, vol. 4, fol. 70. Этот фонд, находившийся в распоряжении министра внутренних дел исключительно «для секретных расходов в интересах полиции», был увеличен в 1895—1896 гг. до 200 тыс. и в 1900 г. до 300 тыс. марок. Поскольку для периода после 1893 г. нет никаких данных относительно расходов берлинской политической полиции, а в 1892 г. эти расходы составляли более половины тайного полицейского фонда, можно считать, что и расходы полиции в этот период значительно увеличились. О тайных полицейских фондах см. «Der preussische Landtag. Handbuch für Sozialdemokratische Landtagswähler». 2. Aufl., Berlin, 1908, S. 390 и сл.

³² См. Brandenburgisches Landeshauptarchiv. Potsdam. Rep. 30, Tit. 94, Lit. A, № 360, vol. I (8755), fol. 5; В. We i s s. Polizei und Politik. Berlin, 1928, S. 52.

политических проступков обыкновенными преступлениями и для создания «полицейского интернационала» в целях «установления надзора над преступлениями подобного рода, а также их преследования и подавления». Хотя эта конференция не состоялась и официальные соглашения не были заключены, три державы стали действовать в духе этих предложений.

31 июля 1881 г. берлинский полицей-президент в письме рейхсканцлеру высказался за то, чтобы «связи России с полицейскими властями Германии» для борьбы против революционеров осуществлялись через берлинскую полицию. Вскоре через русского консула Кудрявцева между берлинской политической полицией и полицией России были установлены прямые связи. В первое время они ограничивались тем, что консулу «время от времени» передавались данные, которые могли представлять интерес для царской полиции. Другая форма сотрудничества состояла в использовании царской полицией немецких шпионов³³.

В дальнейшем эти связи все более укреплялись. 23 апреля 1883 г. прусскому министру внутренних дел было сообщено пожелание русского правительства установить непосредственное общение между немецкими и русскими полицейскими властями в пяти пограничных пунктах в целях наблюдения за «действиями революционных партий». Предложение было принято, и обер-президенты Кенигсберга, Данцига и Бреслау получили специальные указания³⁴. Немецкое правительство, вопреки господствовавшим тогда буржуазным правовым воззрениям, стало на путь выдачи царским властям революционеров. Примером может служить дело Льва Дейча. Русские власти потребовали его выдачи, мотивируя это тем, что речь идет о «нигилисте», т. е. о революционере. Немецкие власти согласились, и по поручению Бисмарка граф Гатцфельд писал немецкому послу в Дармштадте, «что для наших политических отношений с Россией будет полезно, если мы в этом случае (дело Л. Дейча.— Д. Ф.) пойдем со своей стороны навстречу справедливому желанию русского правительства поймать бежавшего из русской тюрьмы, которого оно характеризует как опасного и дерзкого преступника». Бисмарк сообщил царю, что высылка Дейча будет осуществлена таким путем, «который поможет русским властям захватить его на русской территории»³⁵.

13 января 1885 г. практика взаимной выдачи революционеров была оформлена соответствующим соглашением между Пруссией и Россией. Складывалось положение, когда каждый русский политический эмигрант мог быть выдан прусскими властями, «как только России вздумается,— заметил по этому поводу Ф. Энгельс,— объявить его будущим царубийцей или динамитчиком»³⁶. Вопрос о выдаче русских революционеров играл в последующие годы определенную роль в дипломатических маневрах Бисмарка. Так, 3 апреля 1889 г. берлинский полицей-президент представил министру внутренних дел план, согласно которому все высланные из Швейцарии русские революционеры, если они попадут в Германию, должны направляться на русскую границу. В конце мая таким образом были выданы три русских студента-революционера³⁷. Однако, когда в том же году царская дипломатия не оказала Бисмарку желаемой поддержки во время его действий против Швейцарии, германский канцлер решил использовать вопрос о выдаче революционеров в качестве средства нажима на Россию. «После того как Россия перестала оказывать нам поддержку в швейцарском вопросе,— писал Бисмарк,— я прошу не расходовать более средств на

³³ См. DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 2512, № 8, vol. I, fol. 11 и сл. Так, например, один социал-демократ, который по поручению партии дал себя завербовать в шпионы, получил от мюльгаузского полицейского инспектора Кальтенбаха предложение «работать также для русского правительства, что даст ему возможность заработать гораздо больше, так как русские власти платят значительно больше, чем прусские».— «Deutsche Polizeischuffereien...», S. 13. Его задача должна была состоять в том, чтобы узнавать имена живущих в Цюрихе русских революционеров, выкрадывать их письма и т. п.

³⁴ См. DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 343A, № 158, vol. 2, fol. 28; fol. 193 и сл.

³⁵ «Fürst Bülow's Reden». In Auswahl. Bd. 3. 1903—1905. Leipzig. [o. J.]. S. 58. Дейч был выдан вслед за тем баденским правительством и приговорен в Одессе к каторжным работам. Ср. L. Deutsch. Sechzehn Jahre in Sibirien. Stuttgart, 1905, S. 46.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 191.

³⁷ См. DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 343 D, № 152, Abt. 4, vol. 8, 10.

нужды русской политической полиции». Бисмарк потребовал также, чтобы берлинскому полицей-президенту было запрещено «продолжение отношений с русским посольством помимо соответствующих инстанций»³⁸.

Правительство Каприви отнюдь не отказалось от сотрудничества с охранкой царской России. Напротив, хотя русско-германские отношения ухудшались, новый статс-секретарь по иностранным делам Маршалл высказался за укрепление связей между русской и немецкой политической полицией. Русскому генеральному консулу в Берлине вновь было разрешено обращаться по соответствующим делам непосредственно к полицей-президенту Берлина. Хотя это было выгодно в первую очередь русской полиции, «политические соображения, а также необходимость считаться с общими монархическими интересами обеих сторон» делали, по мнению прусского правительства, эти связи необходимыми. 5 сентября 1893 г. берлинский полицей-президент Рихтхофен в письме директору департамента полиции в Петербурге выразил свое удовлетворение возобновлением непосредственных связей, которые, как он писал, «будут полезными для совместной борьбы против действий социалистов-революционеров»³⁹.

Берлинская политическая полиция не считала, однако, эти связи достаточными и стремилась к их расширению. 29 августа 1894 г. Рихтхофен в письме министру внутренних дел предложил установить для борьбы против «революционных партий» сотрудничество полицейских органов Германии и Франции, а также организовать международный полицейский надзор за высланными⁴⁰. Эти стремления привели в конце концов к созыву в Риме в ноябре 1898 г. «международной конференции против анархизма», в которой участвовали представители почти всех европейских государств⁴¹. Конференция не имела, однако, того успеха, на который рассчитывали реакционные силы. Так, не удалось достигнуть единства в вопросе о том, чтобы приравнивать политические преступления к обычным уголовным преступлениям. Насколько позволяют судить имеющиеся материалы (заседания конференции были секретными⁴²), ее результатом было лишь решение об обмене сведениями о деятельности «анархистов» между полицейскими инстанциями отдельных стран.

Только шесть лет спустя, 14 марта 1904 г., в Петербурге было заключено более конкретное соглашение 10 европейских государств, предусматривавшее взаимную выдачу «анархистов», создание в отдельных странах центральных полицейских органов для сбора материалов об «анархистах», взаимную информацию и т. д.⁴³ Поскольку международная реакция сознательно не делала различия между анархистами и социал-демократами, то конференция 1898 г. и международное соглашение 1904 г. означали фактически организацию международного полицейского заговора против всего социалистического рабочего движения.

* * *

Особое положение берлинской политической полиции, обладавшей значительной властью, делало ее серьезной силой в борьбе между различными группировками юнкерства и буржуазии; сами руководители берлинской полиции принадлежали к той группе прусского чиновничества, которая была проникнута стремлением к скорейшему возвращению бисмарковского режима⁴⁴. Сотрудники полиции, от полицей-президента и до шлика, не скрывали своей ненависти к представителям «нового курса».

³⁸ DZA. Potsdam. Reichskanzlei, 646/10, fol. 19.

³⁹ DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 2512, № 8, vol. I, fol. 38 и сл.; Tit. 343A. № 158, vol. 4, fol. 89 и сл.

⁴⁰ Ibid., fol. 64 и сл.

⁴¹ На конференции были представлены: Германия, Англия, Россия, Франция, Бельгия, Турция, Италия, Австро-Венгрия, Испания, Швейцария, Греция, Сербия и Румыния. Немецкая делегация состояла из руководителя берлинской политической полиции Муля, немецкого посла в Риме и др. В русскую делегацию входили: посол Нелюдов, директор департамента полиции Своянский и Случевский.

⁴² См. Brandenburgisches Landeshauptarchiv. Potsdam. Rep. 30, Tit. 94, Lit. A, № 358 (8753), fol. 42 и сл., fol. 67.

⁴³ См. полный текст протокола в DZA. Merseburg. Rep. 90 a, Abt. D, Tit. I, 4c, № 8.

⁴⁴ O. H a m m a n n. Der neue Kurs, S. 84.

Противники Каприви использовали аппарат полиции в своих политических целях. Так, вскоре после вступления Каприви в должность рейхсканцлера в немецкой и иностранной прессе появилась сенсационная статья, направленная против Каприви, Маршалла и даже Вильгельма II⁴⁵. Автором ее был некий Георг Шуман, шпик, находившийся на службе в берлинской политической полиции⁴⁶. Когда же Каприви приказал полиции выяснить личность автора статьи, это было поручено самому Шуману, и результаты расследования были равны нулю. После этого случая министр иностранных дел Маршалл отказался от услуг политической полиции по своему ведомству⁴⁷.

Подобные действия берлинской полиции отнюдь не были единичными. Социал-демократия с успехом использовала эти распри внутри правящего лагеря и многочисленные случаи коррупции полицейского аппарата в целях разоблачения как политической полиции, так и прусского государства в целом. Примером может служить дело полицейского чиновника Эугена Тауша, долгое время игравшего весьма значительную роль в берлинском полицейско-президентском и тесно связанном с генеральным штабом, с военным и морским министерствами. Тауш пользовался особым доверием Вильгельма II⁴⁸, хотя был ярким сторонником Бисмарка и противником «нового курса»⁴⁹. Участие Тауша в изготовлении фальшивки, касавшейся русско-германских отношений, привело к тому, что по требованию министра иностранных дел он был привлечен к судебной ответственности. Хотя в ходе процесса выяснились грязные денежные махинации Тауша, он был оправдан и лишь перемещен на другую должность.

Германская социал-демократия использовала это дело для разоблачения прусского государственного аппарата. «Процесс Тауша,— писал Август Бебель Виктору Адлеру 5 июля 1897 г.,— кончился выгодным для нас образом. Он ликвидирует еще довольно сильную веру в государство и правительство. Нам здорово везет; даже то, что делают наши противники, всегда идет на пользу только нам»⁵⁰. Спустя несколько недель после процесса социал-демократы издали его сокращенную стенограмму под названием «Политическая полиция в Пруссии» и распространили ее в 10 тыс. экземпляров. Самому процессу Тауша и связанным с ним обстоятельствам Франц Меринг посвятил несколько больших статей в журнале «Die Neue Zeit»⁵¹.

Активная борьба немецких рабочих против политической полиции и ее махинаций велась успешно. Социал-демократы постоянно разоблачали полицейских шпионов, пытавшихся проникать в рабочие организации. Борясь с этими агентами, социал-демократы проявляли высокий уровень классового сознания, смелости, осмотрительности и добросовестности. Насколько планомерно действовали при этом социал-демократы, можно видеть из решения, принятого осенью 1900 г. социал-демократами IV берлинского избирательного округа, которое обязывало всех товарищей по партии «ознакомиться по возможности со всеми чиновниками политической полиции, чтобы препятствовать их слежке за социал-демократами и попыткам проникновения на собрания партийных организаций»⁵². Газета «Vorwärts» систематически публиковала объявления, предлагавшие получать обратно в ее конторе деньги, с

⁴⁵ См. «Saale-Zeitung», «New York Herald» и «Mémorial Diplomatique».

⁴⁶ Он находился также на службе у генерала Вальдерзее.— «Denkwürdigkeiten des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen v. Waldersee», Bd. 2. Stuttgart — Berlin, 1925, S. 378, 401.

⁴⁷ См. показание Маршалла на процессе Леккерта — Лютцова — Тауша.— «Die Politische Polizei in Preussen». Berlin, 1896, S. 37, 50; O. H a m m a n n. Der neue Kurs, S. 74 и сл.

⁴⁸ См. DZA. Merseburg. Rep. 77, Tit. 343A. № 158, vol. 4, fol. 78 R. От информационного бюро генерального штаба Тауш ежемесячно получал 175 марок.— C h. z u H o h e n l o h e - S c h i l l i n g s f ü r s t. Denkwürdigkeiten, S. 286, 269.

⁴⁹ Тауш сам говорил об этом.— «Die politische Polizei in Preussen», S. 78; O. H a m m a n n. Der neue Kurs, S. 84.

⁵⁰ V. A d l e r. Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky. Wien, 1954, S. 232.

⁵¹ См. «Die Neue Zeit», Jhrg. 15, Bd. 1, 2.

⁵² См. донесения полицейского вахмистра Шрейнера от 5.X.1900.— Brandenburgisches Landeshauptarchiv. Potsdam. Rep. 30, Tit. 95, Sect. 7, Lit. P, № 5a (15944), fol. 25, 77.

помощью которых полиция пыталась подкупить отдельных социал-демократов и склонить их к предательству.

Не удовлетворяясь оборонительной борьбой против политической полиции, немецкая социал-демократия неоднократно сама переходила в наступление; ей удавалось, например, добывать секретные документы, опубликование которых компрометировало господствующие классы. Так, например, газета «Vorwärts» напечатала 31 января 1892 г. секретный приказ главнокомандующего саксонским армейским корпусом герцога Георга Саксонского, в котором перечислялось большое число случаев издевательств над солдатами со стороны командного состава. Когда Ф. Энгельс узнал об этом приказе, он написал Августу Бебелю: «Читая вчера приказ принца Георга Саксонского по корпусу, я от радости чуть было не вскочил на стол. Ну и ярость это вызовет в верхах! И как только такая штука попала в безбожную социал-демократическую печать? Неужели у наших ребят действительно уже такие связи в «Моем доблестном воинстве»? В сегодняшнем «Daily News» уже помещена об этом телеграмма в целый столбец — это наделает страшный шум во всем мире»⁵³.

Большой отзвук вызвало и опубликование тайного приказа статс-секретаря министерства внутренних дел графа Позадовского от 11 декабря 1897 г. по поводу намечавшегося ограничения свободы коалиций⁵⁴, а также письма председателя Центрального союза немецких промышленников Г. А. Бюка Позадовскому от 3 августа 1898 г., в котором предлагалась сумма в 12 тыс. марок «для целей агитации» за так называемый «каторжный законопроект». Несколько позднее, в 1907 г., большую роль сыграло опубликование приказа командующего армейским корпусом генерала фон Биссинга о действиях войск в случае внутренних беспорядков и т. д.⁵⁵

* * *

Приведенные в настоящем сообщении некоторые новые материалы о роли берлинской политической полиции свидетельствуют прежде всего о том, что и после отмены исключительного закона преследование властями деятелей рабочего движения не только не прекратилось, но, напротив, усилилось. Берлинская политическая полиция была ревностным исполнителем распоряжений правительства и распространяла свою деятельность далеко за пределы Берлина и Пруссии. Она стала также активным участником международного полицейского заговора. Однако материалы говорят и о том, что энергичное противодействие, которое германская социал-демократия оказывала полиции, умелое разоблачение полицейских козней существенно снижали эффективность антирабочих мероприятий германских правящих кругов.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 11.

⁵⁴ См. «Vorwärts», 15.1.1898.

⁵⁵ См. D. Fricke. Zur Rolle des Militarismus nach innen in Deutschland vor dem ersten Weltkrieg.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, № 6.

